

Гетеротопии: миры, границы, повествование

Инга Видугирите

Вильнюсский университет

Вильнюс, Литва

Понятие гетеротопий осталось на периферии творчества М. Фуко и в двусмысленном авторском употреблении (Фуко 1977, 2006). Тем не менее, ни двусмысленность, ни неразработанность термина не помешали тому, чтобы в современном научном (художественный – не исключение) дискурсе о пространстве понятие гетеротопий, как и другие пространственные термины и метафоры Фуко, пользуется бóльшим авторитетом, чем во времена своего возникновения, приобретая статус концепта, указывающего на узнаваемую авторскую теорию. К настоящему дню гетеротопии распространились за пределы пространственных дисциплин, таких как география, архитектура, городские исследования (Dehaene, De Cauter 2008; Беззубова 2010), и оказались в области культурных исследований, истории и литературы (Hetherington 1997; Bhagavan 2010; Nikolchina 2013; Filimon 2013). У этого процесса расширения «сферы влияния» была своя логика. На сходной логике перехода от внешних («реальных») пространств к внутренним и логике их взаимоналожения выстроены и сборник статей *Гетеротопии: миры, границы, повествование*.

Книга подготовлена на основе выступлений и дискуссий на Международной научной конференции «Вильнюс::Гетеротопии», которая проходила в Вильнюсском университете 19–21 сентября 2013 г. Основная цель конференции состояла в знакомстве с новыми возможностями и границами пространственных исследований, а также в разработке вопроса о применении понятия гетеротопий к литературе. Выбор универсалии – гетеротопия – для концептуализации проблематики конференции и сборника спустя полвека с ее введения в научный дискурс обусловлен не только все еще мощным эвристическим зарядом понятия, но и его адекватностью современному состоянию вопроса о пространстве, пророчески предсказанному Фуко в своем выступлении: после «навязчивой идеи» истории, свойственной XIX в., нынешняя эпоха является эпохой пространства, а время, «вероятно, предстает всего

лишь как одна из разновидностей возможного взаимодействия между перераспределяющимися в пространстве элементами» (Фуко 2006: 193). Этим заявлением Фуко предрек *пространственный поворот* в социальных и гуманитарных науках, о котором заговорили в конце XX в. и который он сам совершал наряду с А. Лефевром, М. де Серто, Фр. Джеймисоном, Д. Харви, Э. Соджей, Д. Грегори, Ж. Делёзом, Ф. Гваттари (называю только некоторых). Без учета выявившейся в постмодернизме актуальности пространственной проблематики значение гетеротопий как инструмента научного анализа было бы трудно понять.

Сам Фуко не был сознательным инициатором, тем более – идеологом пространственного поворота, однако его мышление и особенности дискурса этот поворот наглядно раскрывают – в первую очередь, через пространственные термины и метафоры, которые использовались им в описании исторических процессов формирования дискурса и генеалогии знания¹. Опространствование аналитического инструментария, как и анализ власти, учитывающий пространственные отношения, что современному исследователю легче уловить в дискурсе Фуко, сыграли значительную роль в осмыслении значения пространства во всех областях науки о человеке (Tally 2013: “Spaces of Power”). Через словарь пространства соединяются и два, на первый взгляд, разных значения гетеротопий у Фуко. С одной стороны, он определял гетеротопии как дискурсивные образования, обладающие неизвестным порядком слов и вещей или их беспорядком, «высвечивающим фрагменты многочисленных возможных порядков», осуществимых в пределах языка, текста или голоса (Фуко 1977: 31–34). С другой стороны, гетеротопии – это «другие пространства», находящиеся в реальном мире, в котором «развертывается эрозия нашей жизни, нашего времени и нашей истории» (Фуко 2006: 194). Складывается впечатление, что пространственное значение гетеротопий возобладало – и не только в географии, в культурных и городских исследованиях, но и в литературе: например, новейшая книга о гетеротопиях в художественных текстах А. Картер ориентирована на лекцию Фуко 1967 г. (Filimon 2013), как и большинство статей данного сборника². Однако «многочисленные возможные порядки» между словами и вещами также предполагают «место» своего осуществления. И этим местом является текст – текст как место. В таком подходе выражается новое отношение к пространству в постмодернизме, осознающем искусственность, вторичность пространства, с одной стороны, и его мощное продуцирующее начало (*production d'espace* Лефевра), с другой.

¹ Свою «пространственную одержимость» Фуко объяснил в интервью с редакторами географического журнала *Городот* (см.: Foucault 1980).

² По предположению О. В. Беззубовой, популярность пространственного значения гетеротопий, возможно, «обусловлена тем, что проблема гетеротопий развивалась главным образом в англо-американской академической традиции, для которой в целом свойственен повышенный интерес к поздним работам (т. е. относящимся к так называемому “генеалогическому периоду”) и, особенно, публичным выступлениям Фуко, тогда как такие, принципиально важные для понимания фуколитанского подхода к анализу культуры, произведения как *Слова и вещи* и *Археология знания* остаются недооцененными» (Беззубова 2010).

В конце 1960-х деление на внешнее и внутреннее пространство соответствовало другим бинарным оппозициям, которыми мыслил структурализм. Следы такого мышления отразились и на концепции «других пространств», находящихся в отношениях с пространством исходным. В своем выступлении Фуко отдавал должное феноменологам и Г. Башляру (которые, в отличие от структуралистов, обратились к пространственной проблематике и раскрыли внутреннее пространство человека, заряженное качествами, наполненное впечатлениями изначальной перцепции, снов, грез и страстей) и свою задачу видел в том, чтобы указать на гетеротопии внешнего пространства. Однако на сегодняшний день мы уже не в состоянии мыслить внешнее и внутреннее пространство как пространства разделенные. Сам Фуко указывал, что в гетеротопиях осуществляется принцип совмещения несовместимого, реализации того, что не может быть реализовано. То же и в отношении человека, получающего возможность быть вне «ограничивающей меры», как формулирует В. Подорога, усматривая в гетеротопической структуре жизненного пространства условие его самовоспроизведения и развития (Подорога 1996). Согласно философу, именно нарушение или вытеснение принципа гетеротопий ведет к таким внутренним событиям как встреча и неузнавание собственного Двойника (там же). Нынешнее пространство мыслится как принципиально гетерогенное – мое, чужое, чье-то в экзистенциальном смысле, и поэтому оно – неравное самому себе – в истории (и тем более – в историях и географиях) являет себя расслоенным социально, множась в субъективном восприятии и сочетающим многообразие гетеротопий и гетерохроний³. Таким оно предстает и таким вычитывается в литературе. Думается, само состояние мира и сознания стало главным условием для соотнесения пространственного дискурса Фуко и литературоведческих исследований, в которых, к тому же, отмена деления на реальное / подлинное и вымышленное / фиктивное давно уже осуществлена⁴.

Как показывают примеры применения концепта Фуко к литературному тексту (Hetherington 1997; Filimon 2013)⁵, гетеротопии, к тому же в их по возможности строгом фуколтианском смысле, предстают медиаторами между внешним миром и

³ В философии данное состояние мира и сознания нашло отражение в концепции *геофилософии* Ж. Делёза и Ф. Гваттари, которые самую возможность мышления соотнесли с процессами *детерриториализации* (утраты /отказа от определенной территории) и последующей *ретерриториализации* (обретением мысленной связи с ней) (Делёз, Гваттари 1998: 110–146), а свою философскую систему представили в географическом образе *тысячи плато* (Deleuze, Guattari 2005).

⁴ В области пространственных исследований литературы принципиальная отмена разницы между «реальным» и фиктивным характерна для французской ветви геокритики (см.: Westphal 2011).

⁵ В данном случае речь идет о сознательном и принципиальном обращении авторов к понятию Фуко. Тем не менее, следы гетеротопного мышления могут быть обнаружены в концепциях, которые не ссылаются на Фуко, но структурируют мир согласно его понятию. Представляется, что «петербургский текст» в его отношении к самому городу и к России, как это развито в оригинальной авторской трактовке В. Н. Топорова, во многом соотносим с гетеротопиями Фуко.

фикцией: гетеротопные места в мире и в тексте оказываются теми же – замок, лабиринт, театр. Этот ряд может быть продолжен. Фуко обозначил круг гетеротопий от публичного дома до колоний и увенчал весь ряд образом корабля. Все они, по его мысли, «соотносятся со всеми остальными местоположениями, но таким образом, что приостанавливают, нейтрализуют или переворачивают всю совокупность отношений, которые тем самым ими обозначаются, отражаются и рефлектируются» (Фуко 2006: 195). В силу подобного переворачивания гетеротопии создают условия для трансгрессии субъекта – его выхода за пределы себя и общепринятой нормы. В этом смысле, гетеротопии предстают реализованными утопиями. Если согласиться с Робертом Талли (Tally 2013a), в эпоху глобализации и постнационализма утопия может осуществиться только как метод понимания новой конфигурации мира, как средство его картографирования (*mapping*), проектирования тотальности, в которой человек должен найти себя в пространстве и в истории. И как таковая утопия пересекается с литературой: утопическая практика не является эпистемологической – дающей средство познать мир, но литературной – позволяющей рассказывать истории и репрезентировать себя в нынешнем мире и времени (Tally 2013a: “Preface”). Если гетеротопии суть «фактически реализованные утопии» (Фуко 2006: 196), то они должны функционировать в том же качестве – как литературные практики репрезентации человеческих миров.

Сборник *Гетеротопии: миры, границы, повествование* образует поле дискуссии о пространстве и, в частности, о гетеротопиях в филологических и междисциплинарных исследованиях культуры. В эту дискуссию виртуально включен и Фуко, так как большинство авторов придерживается определенных им границ концепта и учитывают его специфику. Статьи разделены на блоки соответственно созвучию тематики, фокусу взгляда на исследуемое пространство и типу репрезентативных отношений – существенна ли для текстовых гетеротопий связь с местами внешнего мира или гетеротопии предстают как порождение внутритекстуальных стратегий, создающих свои иерархии пространства и интертекстов.

В статьях первого блока речь идет о крупных единицах внешнего мира и их репрезентациях в разных текстах культуры, а также о пространственных структурах сознания, отражающих образы и смыслы внешнего мира. В открывающей сборник статье М. Н. Виролайнен на основе многочисленных примеров демонстрируется, как брачный сюжет с его пространственными представлениями о «своем» и «чужом» раскрывает закрепившееся в русской культуре, причем вопреки фольклорной норме, стремление к единому пространству – будь оно геополитическое, метафизическое, космическое или личное. В отличие от пространства как языка для выражения иерархии культурных ценностей, мифологические и исторические гетеротопии Урала, которым посвящена статья Е. К. Созиной, функционируют как места для воплощения сакрального центра, обретаемого как в реальном физическом, так и в литературном пространстве. Особый интерес в данном случае представляет Аркаим – сравнительно недавно обнаруженный археологами протогород, который

стал местом активной мифотворческой деятельности. Статья Т. Е. Автухович, по признанию автора, была вдохновлена образом «предоставленного бесконечности моря» корабля, которым завершил свою лекцию Фуко (Фуко 2006: 204). В статье исследуется современная белорусская поэзия, отражающая состояние Беларуси, соответствующей всем признакам гетеротопий. Иные пространственные соотношения между историей и текстом определяются в статье А. И. Иваницкого: символические гетеротопии *Фауста*, определяемые исследователем как сюжетно значимые места, были избраны Гете соответственно литературной программе «Бури и натиска», однако именно они влияют на трагический исход личной жизни героя. Следующие две статьи сборника посвящены гетеротопическому пространству снов. В статье Г. П. Михайловой в свете концепции Фуко рассмотрена онейрическая тема стихов и дневниковых записей Анны Ахматовой, в рамках которой возникающее пространство можно рассматривать как «место-гетероклит» для возможной другой судьбы, не нашедшей выражения в мире истории. В то время как А. Штейнгольд сосредотачивает внимание на внутренних гетеротопиях потустороннего мира, который воспроизводят рассказы о приснившихся покойниках в старообрядческой среде Литвы, Латвии и Эстонии. Последние две статьи блока работают с картографическими репрезентациями пространства. Внимание А. В. Нестерова сфокусировано на эстетических особенностях карт XVI в., их созвучии английской поэзии, что позволяет автору делать вывод о неоднозначности дискурсивных практик картографии того времени. В статье И. Видугирите предполагается наличие картографического импульса в «колониальном» пейзаже Украины в повести Гоголя *Страшная месть*.

Второй блок сфокусирован на городе и его характерных гетеротопиях. Для культурных исследований город – наиболее характерное пространство для проявления гетеротопий. В нашем случае рассматриваются не только репрезентации «реальных мест», но и текстовые стратегии их пересоздания в статусе гетеротопии. К. Соливетти и А. Марченков исходят из предположения, что мир казенных государственных учреждений, а в более расширительном смысле – город Санкт-Петербург, является гетеротопией, нашедшей отражение в *Шинели* Н. В. Гоголя. Концептуальный аппарат Фуко позволяет им пересмотреть классическое осмысление повести и иначе оценить главного героя повести, Акакия Акакиевича Башмачкина, увидев в нем не только жертву, но и соучастника гетеротопии власти. Е. В. Душечкина, несмотря на скептическое отношение к применению концепта Фуко в исследованиях культуры, вводит понятие сезонных гетеротопий, которые анализирует на примере рождественской елки и елочных базаров в дореволюционном Петербурге. В статье В. Г. Щукина Воробьевы / Ленинские горы выступают в качестве настоящей гетеротопии, выстроенной как «контрместо» тоталитарному пространству Советской империи и поэтому обладавшей высокими этическими и идеологическими устремлениями. В статье о пределах архива Н. Арлаускайте проблематизирует функцию архива как хранилища памяти в киноповествовании о травматическом

опыте Ленинградской блокады. Анализ нарративных стратегий в фильме С. Лозницы *Блокада* позволяет утверждать, что архив как институционализованный порядок, навязываемый памяти, и доминирующие формы репрезентации значительно ограничивают возможности другого повествования. В статье Я. Клоца рассматривается гетеротопия Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, разрушенного в результате теракта, и отражение этого события в поэзии русской диаспоры. Анализ поэтических текстов позволяет автору делать выводы о значении катастрофы 11 сентября 2001 г. как для репрезентаций Нью-Йорка в русской литературной традиции, так и для самоидентификации авторов стихов. Л. Пикколо обратилась к сугубо мифогенному локусу советского пространства – к сумасшедшему дому, гетеротопия которого репрезентирована в пьесе В. Ерофеева *Вальпургиева Ночь*. Продолжение гетеротопности этого произведения автор видит и в сценической реализации пьесы. Не менее текстопорождающим характером обладала и советская коммунальная квартира. Обращение в анализе этого феномена к понятию гетеротопий Фуко позволяет Д. Лугарич Вукас формулировать проблемные вопросы, которые вне контекста Фуко в отношении «коммуналки» не ставились. С гетеротопиями внутренних помещений работает и Н. Кершите, которая проводит различие между гетеротопиями в определении Фуко (это места – вместилища чего-то, но не действия, а если действия, то предсказанного) и гетеротопиями ситуативными, которые возникают в пространстве обычной жизни благодаря определенным действиям. Подобного типа гетеротопии исследуются Кершите на основе киноматериала.

Третий блок вводит тему границы, которая, как позволяют судить представленные в нем статьи, может осмысляться как гетеротопия в силу осуществляемых на ней встреч, взаимодействий и конфликтов. Гетеротопия границы может быть выделена на уровне языка в реальном пространстве пограничного региона, как это раскрыто в статье С. Скорвида, или на уровне культурного журнала в поле литературы: так феномен *Литературных тетрадей* в контексте современных споров о литературном пространстве анализирует О. Бараш. Но, как свидетельствует анализ «Пляски» Н. Асеева, проведенный С. Преображенским, гетеротопия границы может быть вычитана и из одного поэтического текста, который представляет собой структурный сплав значимых элементов, почерпнутых из арсенала нескольких культур и отражает в себе соотносимую с ними сложную географическую структуру региона, в данном случае – Центральной Европы. В статье Т. Лаукконен проблематизирована методология исследования гетерогенного поля мировой литературы. Объектом анализа является пересеченное границами литературное поле Литвы, в котором другие национальные литературы образуют свои гетеротопные пространства. Последние три статьи блока с точки зрения разных культур подходят к анализу феномена Вильнюса. В статье Ю. Снежко исследуются городские панорамы в современном литовском романе. Л. Лемперт воспроизводит ностальгический идеальный образ довоенной Вильны и рассматривает стратегии его построения в еврейской культуре. П. Лавринец реконструирует нарратив о городе в русскоязычной литературе. Если в литовском романе

обнаруживается тенденция творить внутренние гетеротопии города, основываясь преимущественно на «реальном» взгляде повествователя, то в отношении еврейских и русских текстов можно констатировать тотальную гетеротопизацию Вильнюса, превращающую город в настоящее «другое место» – в прошлом или в настоящем, важное для субъекта даруемой возможностью счастья и обновления.

В четвертый блок объединены статьи, исследующие гетеротопии, порождаемые повествованием и имеющие онтологическое бытие только в пределах текста. Некоторые из них обладают отсылками к референтному миру, и степень референтности в каждом отдельном случае разная, однако гетеротопный характер места создан преимущественно стратегиями текста. Авторы статей этого раздела наиболее активно вовлекают понятие гетеротопий в диалог с более привычным аппаратом описания художественного пространства и обсуждают аналитические возможности термина Фуко. В. Ш. Кривонос прослеживает в *Мертвых душах* Гоголя создание гетеротопии «земного рая» в Херсонской губернии, куда Чичиков мысленно переселяет своих крестьян, и то, как херсонский сюжет поэмы пародийно отражает Крымский проект Екатерины II. В статье Э. Г. Шестаковой рассмотрена пространственная триада города / дачи / курорта, которая, по мысли автора, получает адекватное раскрытие только под углом зрения гетеротопий, существенно расширяющих возможности исследования художественного пространства. Н. В. Ковтун обращает внимание на гетеротопии в поздней прозе В. Распутина, в которой появление «других мест» обуславливается особым духовным состоянием героя, стремящегося к смыслу и истине. Т. Сабо поставила перед собой цель проверить работоспособность шести гетеротопических принципов Фуко по отношению к литературному тексту. Условием для сближения гетеротопий с литературой здесь служит теоретический контекст семиосферы Ю. М. Лотмана, привлечение которого обосновано как раз структуралистскими чертами концепции Фуко. Автор приходит к выводу, что гетеротопные места истории и связанные с ними гетеротопные интертексты повествования функционируют как смыслопорождающие механизмы. Другой тип создания внутритекстовой гетеротопии представлен в статье К. Сыски, обращающейся к жанру идиллии в современной русской литературе. По мысли исследовательницы, идиллии служат гетеротопными местами сопротивления доминирующему социальному пространству. Я. Войводич начинает анализ повести В. Сорокина *Метель* с определения основного хронотопа дороги, помимо которого в пространственной структуре повести выделяются онейрические гетеротопии персонажей, а также неизвестное пространство будущей жизни героя. Понятие гетеротопий в данном случае служит средством выявления сложной организации художественного пространства. В статье А. Х. Гольденберга рассмотрение фольклорных и литературных «страшилок» и их динамики в отношении классических фольклорных образцов приводит к выводу о радикальном сломе в современной культуре, для которой «страшное» становится одной из ключевых гетеротопий.

Обобщая научные результаты состоявшейся в сборнике виртуальной дискуссии о пространстве, его местах, утопиях и гетеротопиях, а также о пространственных

стратегиях текстов, можно констатировать, что исследование литературы в этом отношении близится к другим наукам о человеке и его разных символических практиках. Не только пространственная проблематика, но и пространственный язык определяет многообразные связи и отношения между мирами, сознаниями, дисциплинами. Часть этих связей получила отражение и в вильнюсском издании *Гетеротопии*. Составители сборника благодарят авторов статей за смелость в испытаниях гетеротопиями и за активное сотрудничество.

Финансовую поддержку в организации конференции «Вильнюс::Гетеротопии» и в издании сборника оказали Совет по науке Литвы и Филологический факультет Вильнюсского университета.

ЛИТЕРАТУРА

- БЕЗЗУБОВА, О. В., 2010. Гетеротопии городского пространства: к истории концепта. *In*: ЕСАУЛОВ, Г. В. и др., ред. *Эстетика архитектуры и дизайна: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (4–6 октября 2010 г.)*. Москва: Архитектура-С, 27–31.
- ДЕЛЕЗ, Ж., ГВАТТАРИ, Ф., 1998. *Что такое философия?* Санкт-Петербург: Алетейя.
- ПОДОРОГА, В., 1996. Событие: «Бог мертв». Материалы семинара: Мишель Фуко и философия. *Комментарий*, 10. *In*: Фридрих Ницше. Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/look/hxc/ontologie/vpodoroga/?curPos=1> [см. 02 09 2014].
- ФУКО, М., 1977. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. Вступ. ст. Н. С. Автономовой. Москва: Прогресс.
- ФУКО, М., 2006. Другие пространства. *In*: ФУКО, М., *Интеллектуалы и власть*. Т. 3. Москва: Праксис, 191–204.
- ВНАGAVAN, M. B., 2010. *Heterotopias: Nationalism and the Possibility of History in South Asia*. Oxford University Press.
- ДЕНАЕНЕ, М., ДЕ КАУТЕР, Л., ed., 2008. *Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society*. London; New York: Routledge.
- ДЕЛЕУЗЕ, Г., ГВАТТАРИ, Ф., 2005. *A Thousands Plateaus. Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press.
- ФИЛИМОН, Е. С., 2013. *Heterotopia in Angela Carter's Fiction: Worlds in Collision*. Hamburg: Anchor Academic Publishing.
- ФУКАУЛТ, М., 1980. Questions on Geography. *In*: GORDON, C., ed. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977*. New York: Pantheon, 63–77.
- НЕТТЕРИНГТОН, К., 1997. *Badlands of Modernity – Heterotopia and Social Ordering*. London: Routledge.
- НИКОЛЧИНА, М., 2013. *Unicorns of the Velvet Revolutions. Heterotopia of the Seminar*. Fordham: Fordham University Press.
- ТАЛЛИ ДЖ., Р. Т., 2012. *Spatiality*. Taylor and Francis, Kindle Edition.
- ТАЛЛИ ДЖ., Р. Т., 2013. *Utopia in the Age of Globalization: Place, Representation, and the World-System*. New York, Palgrave Macmillan.
- ВЕСТФАЛ, В., 2011. *Geocriticism. Real and Fictional Spaces*. New York, Palgrave Macmillan.